

Царь-медведь

Жил себе царь с царицею, детей у них не было. Царь поехал раз на охоту красного зверя да перелётных птиц стрелять. Сделалось жарко, захотелось ему водицы испить, увидел в стороне колодец, подошёл, нагнулся и только хотел испить — царь-медведь и ухватил его за бороду:

— Пусти, — просится царь.

— Дай мне то, чего в доме не знаешь; тогда и пущу.

— Что ж бы я в доме не знал, — думает царь, — кажись, всё знаю... Я лучше, — говорит, — дам тебе стадо коров.

— Нет, не хочу и двух стад.

— Ну, возьми табун лошадей.

— Не надо и двух табунов; а дай то, чего в доме не знаешь.

Царь согласился, высвободил свою бороду и поехал домой. Входит во дворец, а жена родила ему двойни: Ивана-царевича и Марью-царевну; вот чего не знал он в доме. Всплеснул царь руками и горько заплакал.

— Чего ты так убиваешься? — спрашивает царица.

— Как мне не плакать? Я отдал своих деток родных царю-медведю.

— Каким случаем?

— Так и так, — рассказывает царь.

— Да мы не отдадим их!

— О, никак нельзя! Он вконец разорит всё царство, а их все-таки возьмёт.

Вот они думали-думали, как быть? Да и придумали: выкопали преглубокую яму, убрали её, разукрасили, словно палаты, навезли туда всяких запасов, чтоб было что и пить и есть; после посадили в ту яму своих детей, а поверх сделали потолок, закидали землёю и заровняли гладко-нагладко.

В скором времени царь с царицею померли, а детки их растут да растут.

Пришёл, наконец, за ними царь-медведь, смотрит туда-сюда: нет никого!

Опустел дворец. Ходил он, ходил, весь дом выходил и думает: «Кто же мне про царских детей скажет, куда они девались?» Глядь — долото в стену воткнуто.

— Долото, долото, — спрашивает царь-медведь, — скажи мне, где царские дети?

— Вынеси меня на двор и брось наземь; где я воткнулся, там и рой.

Царь-медведь взял долото, вышел на двор и бросил его наземь; долото закружилось, завертелось и прямо в то место воткнулось, где были спрятаны Иван-царевич и Марья-царевна. Медведь разрыл землю лапами, разломал потолок и говорит:

— А, Иван-царевич, а, Марья-царевна, вы вот где!.. Вздумали от меня прятаться! Отец-то ваш с матерью меня обманули, так я вас за это съем.

— Ах, царь-медведь, не ешь нас, у нашего батюшки осталось много кур и гусей и всякого добра; есть чем полакомиться.

— Ну, так и быть! Садитесь на меня; я вас к себе в услугу возьму.

Они сели, и царь-медведь принёс их под такие крутые да высокие горы, что под самое небо уходят; всюду здесь пусто, никто не живёт.

— Мы есть-пить хотим, — говорят Иван-царевич и Марья-царевна.

— Я побегу, добуду вам и пить и есть, — отвечает медведь, — а вы пока тут побудьте да отдохните.

Побежал медведь за едой, а царевич с царевною стоят и слёзно плачут. Откуда не взялся ясный сокол, замахал крыльями и вымолвил таково слово:

— Ах, Иван-царевич и Марья-царевна, какими судьбами вы здесь очутились?

Они рассказали.

— Зачем же взял вас медведь?

— На всякие послуги.

— Хотите, я вас унесу? Садитесь ко мне на крылышки.

Они сели; ясный сокол поднялся выше дерева стоячего, ниже облака ходячего и полетел было в далёкие страны. На ту пору царь-медведь прибежал, усмотрел сокола в поднебесье, ударился головой в сырую землю и обжёг ему пламенем крылья. Опалились у сокола крылья, опустил он царевича и царевну наземь.

— А, — говорит медведь, — вы хотели от меня уйти; съем же вас за то и с косточками!

— Не ешь, царь-медведь; мы будем тебе верно служить.

Медведь простил их и повёз в своё царство: горы всё выше да круче.

Прошло ни много, ни мало времени.

— Ах, — говорит Иван-царевич, — я есть хочу.

— И я! — говорит Марья-царевна.

Царь-медведь побежал за едой, а им строго наказал никуда не сходить с места. Сидят они на травке на муравке да слёзы ронят. Откуда не взялся орёл, спустился из-за облак и спрашивает:

— Ах, Иван-царевич и Марья-царевна, какими судьбами очутились вы здесь?

Они рассказали.

— Хотите, я вас унесу?

— Куда тебе! Ясный сокол брался унести, да не смог, и ты не сможешь!

— Сокол — птица малая; я взлечу повыше его; садитесь на мои крылышки.

Царевич с царевною сели; орёл взмахнул крыльями и взвился ещё выше. Медведь прибежал, усмотрел орла в поднебесье, ударился головой о сыру землю и опалил ему крылья. Спустил орёл Ивана-царевича и Марью-царевну наземь.

— А, вы опять вздумали уходить! — сказал медведь. — Вот я же вас съем!

— Не ешь, пожалуйста; нас орёл взманил! Мы будем служить тебе верой и правдою.

Царь-медведь простил их в последний раз, накормил-напоил, и повёз дальше...

Прошло ни много, ни мало времени.

— Ах, — говорит Иван-царевич, — я есть хочу.

— И я! — говорит Марья-царевна.

Царь-медведь оставил их, а сам за едой побежал. Сидят они на травке на муравке да плачут. Откуда не взялся бычок-др....нок, замотал головой и спрашивает:

— Иван-царевич, Марья-царевна! Вы какими судьбами здесь очутились?

Они рассказали.

— Хотите, я вас унесу?

— Куда тебе! Нас уносили птица-сокол да птица-орёл, и то не смогли; ты и подавно не сможешь! — а сами так и разливаются, едва во слезах слово вымолвят.

— Птицы не унесли, а я унесу! Садитесь ко мне на спину.

Они сели, бычок-др....нок побежал не больно прытко. Медведь усмотрел, что царевич с царевною уходить стали, и бросился за ними в погоню.

— Ах, бычок-др....нок, — кричат царские дети, — медведь гонится.

— Далеко ли?

— Нет, близко!

Только было медведь подскочил да хотел сцапать, бычок понатужился... и залепил ему оба глаза. Побежал медведь на сине море глаза промывать, а бычок-др....нок всё вперёд да вперёд! Царь-медведь умылся да опять в погоню.

— Ах, бычок-др...нок! Медведь гонится.

— Далеко ли?

— Ох, близко!

Медведь подскочил, а бычок опять понатужился... и залепил ему оба глаза. Пока медведь бегал глаза промывать, бычок всё вперёд да вперёд! И в третий раз залепил он глаза медведю; а после того даёт Ивану-царевичу гребешок да утиральник и говорит:

— Коли станет нагонять царь-медведь близко, в первый раз брось гребешок, а в другой — махни утиральником.

Бычок-др....нок бежит всё дальше и дальше. Оглянулся Иван-царевич, а за ними царь-медведь гонится: вот-вот схватит! Взял он гребешок и бросил позадь себя — вдруг вырос, поднялся такой густой, дремучий лес, что ни птице не пролететь, ни зверю не пролезть, ни пешему не пройти, ни конному не проехать. Уж медведь грыз-грыз, насилу прогрыз себе узенькую дорожку, пробрался сквозь дремучий лес и бросился догонять; а царские дети далёко-далёко! Стал медведь нагонять их, Иван-царевич оглянулся и махнул позадь себя утиральником — вдруг сделалось огненное озеро: такое широкое-широкое! Волна из края в край бьёт. Царь-медведь постоял, постоял на берегу и поворотил домой; а бычок-др....нок с Иваном-царевичем да с Марьей-царевной прибежал на полянку.

На той на полянке стоял большой славный дом.

— Вот вам дом! — сказал бычок. — Живите — не тужите. А на дворе приготовьте сейчас костёр, зарежьте меня да на том костре и сожгите.

— Ах! — говорят царские дети. — Зачем тебя резать? Лучше живи с нами; мы за тобой будем ухаживать, станем тебя кормить свежеею травою, поить ключевой водою.

— Нет, сожгите меня, а пепел посейте на трёх грядках; на одной грядке выскочит конь, на другой собачка, а на третьей вырастет яблонька; на том коню ездят ты, Иван-царевич, а с тою собачкой ходи на охоту.

Так всё и сделалось.

Вот как-то вздумал Иван-царевич поехать на охоту; попрощался с сестрицею, сел на коня и поехал в лес; убил гуся, убил утку да поймал живого волчонка и привёз домой. Видит царевич, что охота идёт ему в руку, и опять поехал, настрелял всякой птицы и поймал живого медвежонка. В третий раз собрался Иван-царевич на охоту, а собачку позабыл с собой взять. Тем временем Марья-царевна пошла бельё мыть. Идёт она, а на другой стороне огненного озера прилетел к берегу шестиглавый змей, перекинулся красавцем, увидел царевну и так сладко говорит:

— Здравствуй, красная девица!

— Здравствуй, добрый молодец!

— Я слышал от старых людей, что в прежнее время этого озера не бывало; если б через него да был перекинут высокий мост — я бы перешёл на ту сторону и женился на тебе.

— Постой! Мост сейчас будет, — отвечала ему Марья-царевна и бросила утиральник: в ту ж минуту утиральник дугою раскинулся и повис через озеро высоким, красивым мостом. Змей перешёл по мосту, перекинулся в прежний вид, собачку Ивана-царевича запер на замок, а ключ в озеро забросил; после того схватил и унёс царевну.

Приезжает Иван-царевич с охоты — сестры нет, собачка взаперти воет; увидел мост через озеро и говорит:

— Верно, змей унёс мою сестрицу!

Пошёл разыскивать. Шёл-шёл, в чистом поле стоит хатка на курьих лапках, на собачьих пятках.

— Хатка, хатка! Повернись к лесу задом, ко мне передом.

Хатка повернулась; Иван-царевич вошёл, а в хатке лежит баба-яга костяная нога из угла в угол, нос в потолок врос.

— Фу-фу! — говорит она. — Доселева русского духа не слышать было, а нынче русский дух воочью проявляется, в нос бросается! Почто пришёл, Иван-царевич?

— Да если б ты моему горю пособила!

— А какое твоё горе?

Царевич рассказал ей.

— Ну, ступай же домой; у тебя на дворе есть яблонька, сломи с неё три зелёных прутика, сплети вместе и там, где собачка заперта, ударь ими по замку: замок тотчас разлетится на мелкие части. Тогда смело на змея иди, не устоит супротив тебя.

Иван-царевич воротился домой, освободил собачку — выбежала она злая-злая! Взял ещё с собой волчонка да медвежонка и отправился на змея. Звери бросились на него и разорвали в клочки. А Иван-царевич взял Марью-царевну, и стали они жить-поживать, добра наживать.